

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918 годы)

Основу армии составляет ее офицерский корпус. От его качественной подготовленности в полной мере зависит боевая готовность подчиненных частей и подразделений, а во время войны – успех боя. Во второй половине XIX в. вооруженные силы Российской империи пребывали в явно кризисном состоянии, назрела острая необходимость создания более эффективных структур и управленческих форм в войсках как в мирное, так и в военное время. Военные кампании последних десятилетий выявили большие проблемы с кадровым составом армии. Все это можно было решить только проведением всеобщей военной реформы.

В 60–70-х гг. XIX в. такая реформа была осуществлена под руководством Д. А. Милютина. Страна была поделена на 13 военных округов. На их территории с целью подготовки офицерских кадров для русской армии начали открывать окружные юнкерские училища. Создание военно-учебных заведений нового типа решило проблему нехватки офицерских кадров и значительно повысило их образовательный уровень.

Благодаря военной реформе было обращено внимание на подготовку офицерских кадров для казачьих войск. В 1867 г. было открыто казачье юнкерское училище в Оренбурге, в 1869 г. в Новочеркасске и в 1870 г. – в Ставрополе (1).

На Оренбургское училище было возложено обучение казачьих юнкеров Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск, на Новочеркасское – Донского и Астраханского, на Ставропольское – Терского и Кубанского казачьих войск.

4 июня 1890 г. Высочайшим повелением был издан приказ по Военному ведомству за № 156 об «...учреждении в Николаевском кавалерийском училище казачьей сотни на 120 юнкеров, для приготовления их к службе в офицерском звании в конных казачьих частях».

Кроме того, несколько юнкерских училищ имели отделения для обучения казачьих юнкеров. Виленское пехотное училище имело отделение на 35 казачьих юнкеров, Варшавское пехотное училище – на 85, Иркутское юнкерское училище – на 30 пеших казачьих юнкеров и отделение на 30 конных казачьих юнкеров (2).

С 90-х гг. XIX в. началось преобразование юнкерских училищ в военные, завершившееся в 1910 г. К началу Первой мировой войны оставалось два казачьих военных училища – Новочеркасское и Оренбургское (3).

Несмотря на проводимые преобразования, ситуация с кадровым офицерским составом Уральского казачьего войска накануне Первой мировой войны оставляла желать лучшего. Хотя военная служба считалась престижной, тем не менее, увеличился контингент казачьей молодежи, желающей получить образование в учебных заведениях гражданского ведомства Империи. Об этом свидетельствуют данные 1914 г., согласно которым общее число учащихся Войска составляло 5847 молодых казаков, из них в военно-учебных заведениях обучалось 111 человек войскового сословия, что составляло всего лишь 1,8 % от общего количества получающих образование (4). Наряду с имевшимися войсковыми стипендиями на военные училища, а их, по данным на 1913 г., выделялось из войсковой казны на казаков-юнкеров 12 000 руб. в год, а на кадетов – 17 000 руб., предусматривались стипендии на гражданские учебные заведения (включая и средние). Таковых в 1913 г. было выделено по смете около 10 000 руб.

Подтверждают низкие показатели стремления поступить в военные училища данные о выпускном курсе Уральского войскового реального училища весной 1914 г., опубликованные осенью того же года в «Уральских войсковых ведомостях». Семь классов училища окончили 34 ученика (трое экстерном). Из них в высшие учебные заведения гражданских ведомств поступили 24 человека.

Кроме того, один выпускник выдержал конкурсные испытания в Харьковский технологический институт, но не был принят по национальному признаку (еврей). Из оставшихся 9 человек двое поступили в военные училища (Оренбургское и Московское Алексеевское), один на зубо врачебные курсы в г. Саратове, один – на службу (учителем в начальную школу), двое готовились по латинскому языку для поступления на медицинский факультет университета и лишь двое остались дома без определенных занятий (5).

В мирное время высшее образование по гражданской специальности старались получить одновременно с военным и строевые офицеры. Данная возможность предоставлялась в специализированных военных училищах (инженерных, артиллерийских и др.), в которые наблюдался значительный отток казаков. Кроме того, для офицеров, окончивших пехотные военные училища, открывалась возможность штабной службы. Некоторые выпускники этих училищ не возвращались в комплект Войска, а направлялись в регулярные части армии. Это было обусловлено тем небольшим разнообразием, которое могло предложить Войско своей служивой молодежи. Полки Уральского казачьего войска первой очереди дислоцировались в Киеве (1-й полк), Самарканде (2-й полк) и Липно (3-й полк), а также л.-гв. 1-я Уральская казачья сотня л.-гв. Сводно-казачьего полка в Санкт-Петербурге. Было понятно стремление офицеров попасть в большие города, поближе к цивилизации. Для всех такой возможности не было. Но благодаря тому, что служба казачьего офицера в корне отличалась от службы офицера регулярной армии частой ротацией, казаки имели возможность, прослужив несколько лет в одном из полков, после льготы быть направленными в другой.

В свою очередь, и Войсковое начальство старалось назначать офицера в разные полки, чтобы тот мог пройти хорошую офицерскую школу в разных регионах, различных условиях. Наиболее достойные офицеры, а также выходцы из старинных казачьих родов Войска назначались в л.-гв. Уральскую сотню, но тоже только после испытательного срока в один год и с согласия офицерского собрания полка.

Выходя на льготу, офицеры исключались из списка полка, и часть из них прикомандировывалась к Уральской учебной сотне. Это было не праздное проведение времени между службой в первоочередных полках. На офицеров налагались обязанности в Войсковом хозяйстве. Они обучали казаков на сборных пунктах, направлялись в служебные командировки в пределах Войска (организация рыбного промысла, проверка и отбор конского состава, сопровождение исследовательских экспедиций и т. д.).

Таким образом, службу состоящего по Уральскому казачьему войску офицера можно градируют на четыре вида:

- состоящие на службе в строевых частях Войска;
- состоящие на льготе в комплекте уральских казачьих полков;
- состоящие по Уральскому казачьему войску, занимают должности;
- состоящие в запасе по Уральскому казачьему войску.

Такой порядок службы офицеров Войска оставался неизменным вплоть до краха Российской империи.

К началу Первой мировой войны ситуация с комплектованием офицерского состава Уральского казачьего войска складывалась следующим образом.

Во всех строевых частях Уральского казачьего войска к 1 января 1914 г. по штатам мирного времени полагалось иметь 107 офицеров (6).

Соответственно, по штатам военного времени (с учетом разворачиваемых второочередных и третьоочередных) в строевых частях полагалось: генералов, штаб- и обер-офицеров – 197 человек. В это число входил личный состав штаба дивизии и управления бригады (генералов – 2, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров – 2), а налицо к тому времени состояло по Войску лишь 159 офицеров, или 80,71% к штатному составу военного времени. В процентном отношении офицеров в числе всех чинов Войска было только 2,02%(7).

Кроме указанного выше числа офицеров, согласно штатам, Войску необходимо было содержать дополнительно 21 генерала, штаб- и обер-офицеров в различных управлениях и учреждениях, а именно в Войсковом штабе, Войсковом хозяйственном правлении с подведомственными им учреждениями и заведениями, управлениях атаманов военных отделов.

Следовательно, Уральское казачье войско по штатам военного времени в 1914 г. обязано было иметь в готовности 218 офицеров.

К началу войны в списочном составе Войска находилось лишь только 188 генералов, штаб- и обер-офицеров, т. е. некомплект составлял 30 офицеров. Следует обратить внимание на высокую степень однородности офицерского состава. Среди общего числа офицеров только 7 не относились к войсковому сословию, составляя лишь 3,87%. Среди них наказной атаман Уральского казачьего войска генерал-лейтенант С. С. Хабалов и начальник Войскового штаба генерал-майор Н. М. Острянский. Кроме того, высочайшими приказами зачислены в Уральское казачье войско генерал от инфантерии А. Н. Куропаткин (в 1899 г.), генерал-адъютант генерал от кавалерии К. К. Максимович (в 1899 г.), генерал от кавалерии К. Н. Ставровский (в 1905 г.).

В списочный состав Войска входили все генералы, штаб- и обер-офицеры, состоявшие на службе, находившиеся на льготе и числившиеся по Войску.

Приказом по Уральскому казачьему войску от 17 июля 1914 г. № 647 были мобилизованы второочередные и третьоочередные части, т. е. штаб дивизии с управлением бригады, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й и 9-й полки, первая, вторая и третья запасные сотни, первое, второе и третье отделения конского запаса (8). Этим же приказом в новые части назначались командиры.

С началом мобилизации одной из основных задач как штаба Казанского военного округа, которому в военном отношении было подчинено Войско, так и Войскового штаба Уральского казачьего войска стало комплектование льготных частей офицерскими кадрами.

Первоочередные полки в мирное время содержали два комплекта офицеров, один из которых и был отозван по мобилизации для формирования льготных частей.

Из-за недостаточного количества офицеров Войска для укомплектования штата льготных частей военный округ спешно отзывает офицеров запасных батальонов. 4 августа 1914 г. Казань телеграфирует в Самару: «Прошу распоряжения [о] немедленном командировании находящихся [в] запасных батальонах офицеров кавалерии [в] Уральск [в] распоряжение Наказного Атамана: сто четвертого поручиков Пирогова, Камилова, прапорщика Медведева, сто третьего прапорщиков Сипайлова, Фабрициуса сто пятого поручика Зоркевича, прапорщика Покровского, сто девятого прапорщиков Рощинского, Шабельского» (9).

Для комплектования полков офицерским составом командование округа и войсковое начальство вынуждено было на начальном этапе войны:

- призвать из запаса – 3 офицера;
- призвать из отставки – 16 офицеров;
- призвать зауряд-прапорщиков и подхорунжих со льготы – 9 человек;
- произвести в прапорщики из зауряд-прапорщиков, подхорунжих и урядников – 36 человек;
- перевести из других родов войск – 16 человек;
- произвести в зауряд-хорунжие из подхорунжих – 22 человека (10).

Большинство офицеров Уральского казачьего войска, выступивших на поля сражений Первой мировой войны, можно назвать «послереформенными», так как эти кадровые офицеры были подготовлены уже в новых условиях, в новых учебных заведениях.

В годы Первой мировой войны Войско выставило более 710 генералов и офицеров. В это число входят непосредственно прошедшие горнило войны, а также выполнявшие

свой долг в тылу. По возрастному составу (из известных по дате рождения) это родившиеся в:

- 1840-х гг. – 2 чел. – 0,4%;
- 1850-х гг. – 8 чел. – 1,6%;
- 1860-х гг. – 31 чел. – 6,2%;
- 1870-х гг. – 76 чел. – 15,2%;
- 1880-х гг. – 136 чел. – 27,2%;
- 1890-х гг. – 247 чел. – 49,4%.

Около половины офицеров в годы войны имели возраст до 30 лет, четверть – до 40 лет. Возрастной показатель свидетельствует о том, что офицерский состав был сравнительно молодым.

Несмотря на это часть офицеров имела боевой опыт. 66 офицеров (или 9,3%) принимали участие в войнах, среднеазиатских походах, а также в поддержании порядка в государстве в период Первой революции 1905–1907 гг., когда все Войско было мобилизовано. В Русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) участвовало четыре офицера (Любавин Г. П., Логинов А. М., Толстов С. Е. и Жигалин Л. И.), в Китайской кампании (1900–1901 гг.) – два офицера (Кабанов П. А. и Логинов А. М.) и Русско-японской войне (1904–1905 гг.) – 65 офицеров.

К началу Первой мировой войны будущие офицеры прошли в основном одинаковый карьерный путь. За их плечами были кадетские корпуса, военные и юнкерские училища. Совсем небольшой процент составляли окончившие школы подпрапорщиков. После окончания службы в нижних чинах они сдавали офицерский экзамен и переходили в категорию прапорщиков запаса, относясь к лицам I разряда по образованию. Основная масса этого контингента к 1914 г. находилась на льготе или в запасе. В запасе прапорщик находился 12 лет с последующим зачислением в ополчение, из которого он мог быть призван только в военное время.

Кроме того, 28 подхорунжих Войска, призванных по мобилизации в период Первой мировой войны, сдали экзамен на офицерский чин, составив 4% от офицеров-фронтовиков.

Образовательный ценз войсковых офицеров был довольно высоким. Начальное образование они получали в основном в Уральске в Войсковом реальном училище, духовном училище и семинарии, сельскохозяйственном училище, учительской семинарии. Часть офицеров имела домашнее образование.

Начальное военное образование, полученное в кадетских корпусах, имели 123 офицера (17,3%). Основная масса обучалась в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, где у Войска были свои вакансии и стипендии. Количество их менялось, но никогда не опускалось ниже 10. Не все поступившие завершали учебу, часть отсеивалась по состоянию здоровья, домашним обстоятельствам и другим причинам. Так, в 1905 г. корпус окончило 9 уральцев, в 1906 – 8, в 1907 – 3, 1908 – 10, 1909 – 11(11). Из числа офицеров-уральцев, участвовавших в Первой мировой войне, Оренбургский Неплюевский кадетский корпус окончило 100 человек.

Но некоторые офицеры получили начальное образование в других кадетских корпусах – Александровском (3 чел.), Владимирском Киевском (1 чел.), Михайловском Воронежском (1 чел.), 3-й Московском (2 чел.), Нижегородском графа Аракчеева (1 чел.), 2-м Оренбургском (1 чел.), Сибирском (3 чел.), Симбирском (5 чел.), Сумском (1 чел.), Ташкентском (1 чел.), Ярославском (2 чел.) и Санкт-Петербургской военной гимназии (2 чел.). Обучение уральцев в других кадетских корпусах было связано в основном с тем, что войсковых вакансий в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе не хватало и детей устраивали в ближайшие к месту службы родителей учебные заведения. Так, будущий советский писатель Б. С. Неволов – сын есаула С. П. Неволова, проходившего службу в 3-м Уральском казачьем полку в Польше, – был устроен в Варшавский кадетский корпус, а

затем в связи с началом Первой мировой войны переведен в Московский Суворовский кадетский корпус.

Подготовка молодежи в кадетских корпусах продолжалась и в военное время. По состоянию на 1914 г. в них обучалось 90 уральцев (12).

Следующим этапом становления большинства будущих офицеров являлись военные и юнкерские училища.

Общее количество офицеров, получивших в них образование перед войной и во время неё, составило 456 человек (64,7%). Основная масса, учитывая специфику казачьей службы, стала кавалеристами, окончив кавалерийские и казачье училища, – 292 офицера (64% имевших военное образование).

Кузницей кадров для Уральского войска оставалось Оренбургское казачье училище. В 1901 г., еще в бытность юнкерским училищем, оно было реорганизовано из двухклассного в трехклассное. В его состав перевели казачий отдел Иркутского юнкерского училища и установили штат в 120 юнкеров всех казачьих войск, кроме Донского. Отсюда молодые люди выпускались офицерами в чине хорунжих. В 1905 г. училище вышло из ведения начальника штаба Казанской военной округа и перешло в подчинение наказного атамана Оренбургского казачьего войска. В 1908 г. оно было передано Главному управлению военно-учебных заведений. В 1910 г. все окружные юнкерские училища были преобразованы в военные училища. Оренбургское училище получило наименование Оренбургского казачьего училища. В организационном отношении училище составляло сотню из 120 юнкеров. Каждое войско имело в нем определенное число вакансий: Оренбургское – 36, Уральское – 24, Кубанское – 18, по 12 из Терского, Сибирского, Забайкальского и по три – из Астраханского, Семиреченского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. Они обязаны были отчислять средства из войскового капитала на содержание своих юнкеров (обмундирование, снаряжение, лошадей, питание и т. д.).

Второй по количеству подготовленных для Уральского казачьего войска офицерских кадров являлась казачья сотня Николаевского кавалерийского училища. В 1915 г. казачьей сотне Николаевского кавалерийского училища исполнилось 25 лет. За этот период из нее вышло 1498 казачьих офицеров, в том числе 329 человек за один год войны, из них уральцев – 74 человека. Для сравнения: Донское войско получило 605 офицеров, Кубанское – 350, Терское – 103, Оренбургское – 158, Сибирское – 71, Забайкальское – 54, Уссурийское – 22, Амурское – 20, Астраханское – 20, Семиреченское – 21 (13).

Кроме того, войсковые офицеры оканчивали пехотные и специализированные военные училища. В 1916 г. свободная войсковая стипендия была выделена даже в Севастопольском морском корпусе (14).

По военно-учебным заведениям выпускники-уральцы распределялись следующим образом: кавалерийские училища – Николаевское (52 чел.), Елисаветградское (2 чел.), Тверское (1 чел.); казачьи – Оренбургское (238 чел.); артиллерийские – Константиновское (18 чел.), Михайловское (6 чел.), Сергиевское (1 чел.); инженерные – Николаевское (14 чел.); морские – Морской корпус (4 чел.); пехотные – Александровское (20 чел.), Алексеевское (8 чел.), Виленское (11 чел.), Владимирское (4 чел.), Иркутское (10 чел.), Казанское (18 чел.), Киевское (7 чел.), Павловское (4 чел.), Ташкентское (1 чел.), Чугуевское (36 чел.), Пажеский корпус (1 чел.). Военное образование еще десяти офицеров пока установить не удалось.

Четыре офицера-уральца пополнили плеяду летчиков зарождавшегося воздушного флота. Выпускниками Воздухоплавательной и Гатчинской авиационных школ стали два офицера. Еще двое окончили Севастопольскую военную авиационную школу. При этом необходимо отметить, что один из них – уралец Георгий Георгиевич Горшков – стоял у истоков русской тяжелой авиации. Обучаясь в Париже, Варшаве и в Воздухоплавательной школе, он освоил практические полеты на самолетах «Блерио», «Ньюпорт», «Фарман». С

началом войны он командовал кораблем «Илья Муромец-Киевский», почти год руководил Гатчинской военной авиационной школой. В 1919 г. георгиевский кавалер Г. Г. Горшков был расстрелян по приговору Одесской ЧК.

В авиационных частях также служил Михаил Львович Каплин. «Отличный летчик, любит дело авиации и всецело ему предан», – значилось в его аттестации. В 1918 г он вернулся в родное войско. Воевал в составе IX авиационного отряда Восточного фронта, приданного Уральской армии. Впоследствии М. Л. Каплин стал начальником воздушного флота Юго-Западного фронта ВСЮР.

В предпочитании некоторых военных специальностей заметна определенная семейственность. Например, из четырех братьев Митрясовых трое окончили Николаевское инженерное училище. Правда, в инженерных частях в армии служил только Дмитрий. Александр, Андриан и Михаил состояли в комплекте Уральских казачьих полков. Братья Сергей и Владимир Бошенятовы также пошли по инженерной стезе. Братья Константин и Сергей Кирилловы окончили артиллерийское училище. Гурьевцы братья Акакий и Евтихий Толстовы служили офицерами флота на одном корабле.

Морскому делу посвятили свою жизнь братья Хорошхины. Борис Владимирович прошел славный путь от мичмана императорского флота до советского контр-адмирала. Выполняя задание командования, он погиб под Сталинградом в 1942 г., подорвавшись на бронекатере вместе с экипажем. Могилей героя стала волжская вода, а своеобразным памятником – названный в его честь минный тральщик «Контр-адмирал Хорошхин». Жизнь его брата Владимира трагически оборвалась еще до начала Первой мировой войны, в 1913 году.

Артиллерист, георгиевский кавалер генерал-майор Борис Иванович Хорошхин участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В Гражданскую он встал в ряды Уральской армии, позднее был направлен от Войска в ставку А. В. Колчака. Во Временном правительстве в Омске он состоял помощником военного министра по делам казачьих войск. Закончил свои дни Б. И. Хорошхин в эмиграции во Франции.

По имеющимся сведениям, в частях регулярной армии и на флоте проходили службу в годы Первой мировой войны 32 офицера-уральца:

- в артиллерийских частях – 8 офицеров (Абрамичев И. М., Астраханкин П. С., Даеничев П. Д., Дынников П. А., Ерыклинцев Н. Г., Кириллов С. П., Осипов Н. П., Хорошхин Б. И.);
- на военно-морском флоте – 7 офицеров (Жигалин В. Л., Селезнев Л. Л., Телятов С. С., Толстов А. А., Толстов Е. А., Щёлоков П. Х., Хорошхин Б. В.);
- в авиационных частях – 3 офицера (Горшков Г. Г., Жигалин М. Л., Каплин М. Л.);
- в инженерных частях – 4 офицера (Бошенятов В. Г., Бошенятов С. Г., Коловертнов В. В., Митрясов Д. А.);
- в воздухоплавательных частях – 1 офицер (Горбин Н. Т.);
- в подразделениях юстиции – 1 офицер (Бородин А. В.);
- в Корпусе жандармов – 1 офицер (Ерёмин А. М.);
- в Отдельном корпусе пограничной стражи – 7 офицеров (Бородин Л. Н., Бородин И. П., Буренин Д. Е., Кириллов П. Е., Парфёнов К. И., Чечин Н. Т., Чечин А. Т.).

Девять офицеров-уральцев имели высшее военное образование, окончив перед войной или во время нее военные академии: Николаевскую академию Генерального штаба – 5 офицеров (Мартынов А. Е., Мартынов М. Ф., Мартынов Н. Н., Толстов А. С., Щепихин С. А.), Михайловскую артиллерийскую академию – 1 офицер (Дынников П. А.), Николаевскую инженерную академию – 2 офицера (Коловертнов В. В., Сетчиков Л. Е.), Александровскую военно-юридическую академию – 1 офицер (Бородин А. В.).

Легендарной личностью был Матвей Филаретович Мартынов. Несмотря на окончание им пехотного училища, его служба прошла в Уральском казачьем войске. Даже после обучения в Академии Генерального штаба он остался в строевой части. Неказистый с виду, человек широкой натуры, он вселял в своих земляков веру в победу. Его отчаянная храбрость вызывала уважение бывалых казаков. Став в годы войны кавалером ордена Св.

Георгия 4-й ст. и Георгиевского оружия – высших офицерских наград, – генерал-майор М. Ф. Мартынов сложил свою голову в родных степях в годы Гражданской войны.

Генштабист Алексей Евгеньевич Мартынов, получив инженерное образование, служил в казачьих полках. Во время войны он был переведен на штабную работу в пехотную часть. В конце войны А. Е. Мартынов возглавил штаб отряда генерала Л. Ф. Бичерахова, который в то время, когда уже разгоралась Гражданская война, боролся с советской властью в Дербенте, Баку и других городах Кавказского региона.

Во время войны офицерский корпус пополнили несколько выпускников и бывших студентов гражданских учебных заведений. Так как в Уральском войске отсутствовали высшие образовательные учреждения, соответствующую квалификацию казаки получали за пределами области. Специально для них Войско содержало стипендии в ряде университетов, институтов, училищ и лицеев России. В 1914 г. в их стенах получали высшее образование 72 студента войскового сословия, и 24 из них – по войсковым стипендиям (15).

15 офицеров Войска на период войны имели гражданские дипломы о высшем образовании или обучались в вузах: Лазаревском институте восточных языков (1 чел.), Санкт-Петербургском археологическом институте (2 чел.), Императорском Московском университете (3 чел.), на медицинском факультете Императорского Казанского университета (1 чел.), в Императорском Петроградском университете (3 чел.), Московском Константиновском межевом институте (1 чел.), на экономическом отделе Петроградского политехнического института (1 чел.), в Художественной студии профессора Кордовского по классу живописи (1 чел.), Самарском коммерческом училище (1 чел.) и Демидовском юридическом лицее (1 чел.).

Сергей Васильевич Мартынов, окончив Петроградский политехнический институт, был мобилизован в 6-й Уральский казачий полк. В начале 1915 г. был произведен в прапорщики, а позднее сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище. Находясь в рядах Уральской отдельной армии, попал в плен. В 1921 г. был расстрелян в Архангельской области вместе со своими земляками-офицерами.

Добровольцем пошел на фронт студент Московского Константиновского межевого института казак Н. А. Лоскутов. За отличие по службе он был произведен в прапорщики. Судьба его после войны неизвестна.

Самых опытных, добросовестных офицеров направляли на преподавательские и командные должности в военные училища. Десять будущих фронтовиков-уральцев в разное время преподавали в военно-учебных заведениях:

Николаевское кавалерийское училище – 5 чел. (Гордеев Г. Г., Колпаков Н. А., Логинов А. М., Мартынов Н. Н., Толстов А. С.); Пажеский корпус – 1 чел. (Коловертнов В. В.); Гатчинская авиационная школа – 1 чел. (Горшков Г. Г.); Оренбургский Неплюевский кадетский корпус – 1 чел. (Кокорев Л. А., позднее в 1-й Тифлисской школе подготовки прапорщиков пехоты); Оренбургское казачье юнкерское училище – 2 чел. (Мартынов Л. Г., Раннев П. П.); Томское военное училище – 1 чел. (Толкачёв Ф. Д.).

Будущий генерал Александр Матвеевич Логинов был первым сменным офицером «Царской сотни» Николаевского кавалерийского училища. В течение семи лет передавал А. М. Логинов будущим казачьим командирам боевой опыт, полученный в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг.

Георгий Григорьевич Гордеев почти 10 лет перед войной был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу, состоя в списках л.-гв. 1-й Уральской сотни Сводно-казачьего полка. Достоинно пройдя войну, он был зверски убит толпой солдат на улице Саратова в 1918 г., отказавшись снять погоны.

В 1910 г. связал свою военную судьбу с Оренбургским казачьим училищем Леонид Гаврилович Мартынов, прибыв на должность сменного офицера. В 1916 г. с должности адъютанта училища он добровольно ушел на фронт, возглавив казачью сотню 1-го Уральского казачьего полка. В Гражданскую войну сражался на Уральском фронте. В

1918 г., вернувшись в училище, с юнкерами защищал Оренбург, участвовал в Сибирском «ледяном» походе. В 1920 г. генерал-майор Л. Г. Мартынов состоял штаб-офицером для поручений при штабе главнокомандующего всеми вооруженными силами восточной окраины России.

Георгиевский кавалер полковник Феоктист Демидович Толкачев в Гражданскую воевал в белых войсках на Восточном фронте. В январе 1920 г. он возглавил Томское военное училище, участвовал в Сибирском «ледяном» походе.

С началом Первой мировой войны все военные училища были переведены на ускоренное обучение по сокращенному курсу. Офицер готовился в течение 3–4 месяцев, а в специальных училищах – полгода. Такие выпускники с декабря 1914 г. производились не в хорунжие (подпоручики), а в прапорщики.

Юнкера военной поры, несомненно, отличались от довоенных. Резко возросшая в военное время потребность в офицерских кадрах привела к снижению количества казачьей молодежи, получавшей гражданское образование. Образовательный уровень юнкеров был достаточно высоким, потому что в училища определялись в основном лица 1-го разряда по образованию, т. е. те, кто имел за плечами не менее 6 классов. Газета «Уральские войсковые ведомости» 5 сентября 1914 г. писала: «В Оренбургское казачье училище был объявлен прием на 1 октября и 1 декабря 1914 года. Без экзаменов принимались лица с высшим и законченным средним образованием, а также с правами вольноопределяющегося, т. е. окончившие 6 классов среднего учебного заведения. Имеющие права по образованию 2-го разряда обязаны были сдавать вступительные экзамены» (16).

Из 22 человек, выдержавших в январе 1915 г. экзамен при Уральском войсковом реальном училище на право по образованию 2-го разряда, держать экзамен в Оренбургское военное училище никто не поехал, так как войсковых вакансий к февралю освободилось только четыре, а желающих с правами по образованию 1-го разряда было гораздо больше (17).

К концу 1915 г. из-за неудач на фронте армия потеряла значительную часть командного состава. В связи с этим необходимость его срочного пополнения заставила военное руководство упростить условия приема в военные училища. Согласно Приказу по Военному ведомству от 10 октября 1915 г. за № 548 был значительно поднят возрастной порог для юнкеров, не учитывалось семейное положение, да и требования к здоровью кандидатов на поступление не были такими строгими (18).

Для пополнения офицерского состава в начале войны было открыто несколько десятков школ прапорщиков. Сроки обучения в них были такими же, как и в училищах. Основной контингент этих школ составляли лица, имевшие 2-й разряд по образованию.

Войсковой штаб Уральского казачьего войска, вероятно, заботясь уже о кадрах для мирного времени, старался направлять казаков в военные училища, поэтому школу прапорщиков за время войны окончило сравнительно мало офицеров – 33 человека, или 4,4% всех офицеров-фронтовиков. В этой категории офицеров были выпускники следующих школ прапорщиков пехоты: 1-й Иркутской (5 оф.), 2-й Иркутской (3 оф.), 3-й Иркутской (2 оф.), 1-й Казанской (5 оф.), 1-й Киевской (4 оф.), 2-й Московской (2 оф.), 1-й Одесской (2 оф.), 1-й Омской (1 оф.), 2-й Ораниенбаумской (1 оф.), Оренбургской (3 оф.), Ташкентской (1 оф.), 1-й Тифлисской (3 оф.), Чистопольской (1 оф.). После открытия Екатеринодарской школы подготовки прапорщиков казачьих войск уральцы также получили в ней две вакансии (19). Эту школу за время войны окончило 5 представителей Войска.

Широкое распространение получило во время войны производство в офицеры без окончания военно-учебных заведений, непосредственно в частях, из вольноопределяющихся, т. е. лиц, имеющих право на производство по гражданскому образованию, и лиц без необходимого образовательного ценза. К последней категории относились подхорунжие и урядники, получившие это право за боевые отличия. Так, за

время войны в частях Уральского казачьего войска по образовательному цензу было произведено в офицеры 36 человек, что составило 5%, а за боевые отличия 157 человек – 21,8% общего числа офицеров-уральцев. Многие произведенные в офицеры за боевые отличия сделали за время войны достойную военную карьеру.

Произведенный в прапорщики Аким Прокофьевич Добрынин к концу Гражданской войны уже командовал полком в звании войскового старшины. Леонид Клементьевич Ерёмин, заслужив в Русско-японскую за подвиги три Георгиевских креста, в Первую мировую был произведен в прапорщики, а в Гражданскую также дослужился до войскового старшины. Подхорунжий Филипп Стахеевич Чинарёв был представлен к званию прапорщика за отличное проведение разведывательных выходов. Служил в дивизионном партизанском отряде, стал полным георгиевским кавалером. Погиб подесаул Ф. С. Чинарёв в родных Уральских степях в Гражданскую войну. Его родной брат Тимофей также получил свой первый офицерский чин «за отличия в делах против неприятеля».

Полный георгиевский кавалер за Русско-японскую войну подхорунжий Осип Гурьянович Голованов в самом начале Первой мировой войны отличился при атаке с полусотней на неприятеля, взяв в плен 60 человек, захватив много военного имущества и освободив при этом 16 раненых пленных русских солдат. Погиб О. Г. Голованов, прикрывая артиллерийскую батарею, и уже посмертно получил звание прапорщика.

Рука об руку сражались за Отечество братья, отцы и сыновья. Четыре брата-офицера Кокоревых прошли Первую мировую войну, вернувшись домой живыми. Виктор и Сергей служили в одном полку, в 1917 г. добровольно были направлены в один из организованных для удержания фронта «батальонов смерти». Вместе с двумя другими братьями – Леонтием и Николаем (кавалером ордена Св. Георгия 4-й ст.) – он в годы Гражданской войны встал в ряды Уральской отдельной армии. Сергей погиб, защищая родную землю, Виктор и Николай попали в плен к красным. Дальнейшая судьба братьев неизвестна.

В одном полку со своим отцом, войсковым старшиной Петром Ивановичем Корчагиным, воевали сыновья Александр и Василий. Александр прибыл на фронт в 1914 г. после ускоренного выпуска из училища. Василий начал войну урядником, за отличие был произведен в чин прапорщика. Их судьба сложилась трагически. Отец в начале 1915 г., попав тяжело раненным в плен, сгинул на чужбине. Александр не вернулся с полей Первой мировой, следы Василия теряются в годы Гражданской войны.

Братья Косаревы – Александр, Анатолий и Михаил – люди гражданской специальности. До войны, получив педагогическое образование, планировали посвятить себя воспитанию подрастающих казачат, работали учителями в станичных школах. По зову долга они встали в ряды родного Войска и заслужили офицерские звания. Пройдя вместе с земляками Гражданскую войну, после ее окончания они вернулись к своей довоенной профессии в родных краях. В 1930-е гг. все трое попали под жернова сталинских репрессий.

Герой Русско-турецкой и Русско-японской войн генерал-лейтенант Гавриил Павлович Любавин проводил сыновей-офицеров Виктора и Сергея на фронт. Находясь в комплекте Войска, он и сам не стоял в стороне от его насущных проблем. Виктор за боевые отличия стал кавалером Георгиевского оружия. В Гражданскую войну Гавриил Павлович был членом Военного совета Уральской отдельной армии, а сыновья командовали полками, и все трое навечно остались лежать в полынных степях.

В то время когда полковник Василий Иванович Скворкин формировал 5-й Уральский казачий полк для отправки на фронт, его сыновья-хорунжие – Андрей в составе 1-го полка и Владимир в составе 3-го полка – уже сражались в действующей армии. Владимир стал первым офицером Войска, погибшим в великой войне. Это произошло 30 июля 1914 г. По трагическому совпадению именно в этот день его отец командовал церковным парадом в Уральске в честь рождения наследника цесаревича

Алексея Николаевича (20). Андрей Скворкин пропал в водовороте революционных событий. Василий Иванович умер во время отступления Уральской отдельной армии из пределов Войска.

Из семьи войскового врача ушли на фронт в один полк братья Забродины – Николай и Александр. Сотник 3-го Уральского казачьего полка Николай Забродин погиб в Польше во время отступления 1915 г. Вещи и лошадей погибшего брата доставил в Уральск Александр – урядник того же полка. Позднее, окончив военное училище, он вернулся в родную часть уже офицером. В 1917 г. военное училище окончил и третий брат, Константин.

Братья-близнецы Соловьёвы – Борис и Глеб – стали офицерами уже в конце войны. Отец, отставной полковник, был расстрелян красными в Уральске в марте 1919 г. Через три месяца скончался от ран его сын Глеб, судьба тяжело раненого Бориса неизвестна.

Нельзя не упомянуть боевых офицеров Толстовых. Сергей Евлампиевич воспитал достойных сыновей – защитников Родины. Гвардейский офицер Павел в звании полковника умер во время войны. Михаил после ранения, лишившись глаза, вернулся в строй, но в 1920 г., будучи в эвакуации по болезни, был расстрелян красными в Баку.

Георгиевский кавалер, командир полка Владимир Сергеевич Толстов, вернувшись с войны с группой офицеров, возглавил Гурьевский участок фронта. В самое тяжелое для Войска время, уже после потери столицы – Уральска, – в марте 1919 г. он единодушно был избран атаманом и встал во главе Уральской отдельной армии. Тяжелая ноша легла на его плечи: сначала отстаивать родные станицы и поселки, а затем уводить своих боевых товарищей с семьями «в отступ» и на чужбину. Старший брат Алексей умер в блокадном Ленинграде. Сам отец офицеров, Сергей Евлампиевич, не пожелав покидать Родину, погиб в советских застенках.

Представители старого казачьего рода Акутиных – Василий Иванович и три его сына, Константин, Иван и Владимир, – пройдя дорогами Первой мировой войны, с достоинством воевали и в Гражданскую. Судьба не пощадила и их. В одном бою еще в начале войны, в мае 1918 г., погибли братья Иван и Владимир. В этом тяжелом бою казаки даже не смогли вынести с поля боя их тела. Василий Иванович умер от тифа, а чудом выжившего израненного и эвакуированного Константина машина репрессий добила в 1938 г. в Киеве.

Несколько офицеров-фронтовиков из уральцев в разные годы проходили службу в частях других казачьих войск, прикомандировывались к ним или направлялись во вновь формируемые части. Например, артиллерист Петр Арефьевич Щепихин прошел боевой путь в конно-артиллерийских батареях Оренбургского казачьего войска и только в конце войны возглавил сформированный в Войске Уральский артиллерийский дивизион.

В конце октября 1914 г. началось формирование уникального боевого соединения – Кавказской туземной дивизии, в которую набирались добровольцы из горских народов Кавказа. В «Дикую дивизию», как ее вскоре стали называть на фронте, попали и два офицера-уральца. Георгий Николаевич Завьялов командовал пулеметным взводом в отряде Балтийского флота при Черкесском конном полку. За боевое отличие он был награжден Георгиевским оружием, получил тяжелое ранение и умер от ран. Другой офицер – Георгий Анфиногенович Чуреев – командовал сотней Чеченского конного полка.

Еще один уралец – сотник Ротнов Виктор Владимирович – после тяжелого ранения, потеряв ногу, по собственному желанию остался на строевой службе в составе специального авиационного отряда для воздушной обороны императорской резиденции в должности летчика-пулеметчика.

В особую категорию офицеров, проходивших службу в частях Уральского казачьего войска в период Первой мировой войны, следует выделить представителей других казачьих войск и офицеров не казачьего происхождения. По спискам полков в них

проходило службу 43 офицера – «не уральца». Среди них 10 офицеров – представители других казачьих войск, 33 человека – не казачьего происхождения.

Офицеры четырех казачьих войск:

- Донского казачьего войска – 7;
- Амурского казачьего войска – 1;
- Астраханского казачьего войска – 1;
- Семиреченского казачьего войска – 1.

В августе 1914 г. начал войну старшим адъютантом по строевой части Уральской казачьей дивизии дворянин Области войска Донского, Генерального штаба капитан Святослав Варлаамович Денисов.

В самом конце войны Уральскую казачью дивизию возглавил донской казак по происхождению генерал-майор Иван Андреевич Никулин.

В рядах Уральской казачьей дивизии проходило становление молодого офицера-донца Андрея Александровича Грекова, ставшего в рядах уральцев кавалером Георгиевского оружия.

Представитель Астраханского казачьего войска подьесаул Константин Иванович Аратовский с июля 1914 г. состоял в должности обер-офицера л.-гв. 1-й Уральской казачьей сотни л.-гв. Сводно-казачьего полка. Свою фамилию прославил впоследствии сын Константина Ивановича Николай – известный советский шахматист. Сам офицер подвергся впоследствии репрессиям и умер в ссылке в Казахстане.

Всю войну поддерживал своим огнем Уральскую казачью дивизию приданный ей 7-й Донской казачий дивизион под командованием полковника Вениамина Алексеевича Грекова.

Офицеры не казачьего происхождения в частях Войска в основном несли штабную и тыловую службу или занимали должности по узким военным специальностям.

Уральскую казачью дивизию со дня формирования и до апреля 1917 г. возглавлял генерал-лейтенант Алексей Михайлович Кауфман-Туркестанский – сын «завоевателя» Туркестана, участник похода в Китай и Русско-японской войны, кавалер высших военных наград – Золотого оружия «За храбрость» и ордена Св. Георгия 4-й степени.

В начале Первой мировой войны на должность младшего офицера во 2-й Уральский казачий полк был прикомандирован правнук императрицы Марии-Луизы, жены Наполеона I, подьесаул граф Альфред Сигизмундович Велепольский.

К 5-му Уральскому казачьему полку Уральской казачьей дивизии был прикомандирован полковник барон Борис Борисович Кене– офицер, прошедший Русско-японскую войну и побывавший в японском плену.

В сентябре 1914 г. ординарцем начальника Уральской казачьей дивизии был назначен хорунжий барон Христофор Иванович Дерфельден. Его супруга княгиня М. Э. Пистолькорс «прославилась» участием в убийстве Григория Распутина.

Почти всю войну в должности командира 1-й бригады Уральской казачьей дивизии прошел генерал-майор граф Петр Михайлович Стенбок.

Героической личностью являлся гусарский штаб-ротмистр барон Дмитрий Владимирович Фельдман, возглавлявший партизанский отряд Уральской казачьей дивизии, а в годы Гражданской войны являвшийся начальником штаба 5-й дивизии Уральской отдельной армии.

Так же как и Фельдман, некоторые офицеры не казачьего происхождения, служившие с уральцами в годы Первой мировой войны, после ее окончания продолжили свою службу в Уральской отдельной армии. Это бывший начальник штаба Уральской казачьей дивизии полковник Владимир Иванович Моторный, уроженец города Гурьева Иван Абросимович Медведев, уроженец города Уральска артиллерист Николай Алексеевич Околович.

В период Первой мировой войны в комплекте полков Уральского казачьего войска состоял один подданный иностранного государства – Лев Рафаилович Гулион (Leon de

Huillona), закончивший войну во Франции в составе 1-й Особой пехотной бригады («Русский корпус»). Пронеся через всю жизнь любовь к уральцам, согласно завещанию похоронен в форме есаула Уральского казачьего войска.

Порядок прохождения службы офицера в подразделении во время боевых действий в основном соответствовал правилам мирного времени. Однако война внесла ряд нововведений и изменений. Регламент службы казачьих офицеров приблизился к службе регулярных частей армии.

Во-первых, был прекращен выход казачьих офицеров на льготу, введен очередной отпуск офицера или отпуск по ранению (болезни) без исключения из списков личного состава части и без отстранения от должности в течение двух месяцев.

Во-вторых, значительно сократился срок присвоения очередных воинских званий, офицеры получили право производства в очередной чин за отличие.

Изменился порядок представления к боевым орденам. Офицер представлялся к награждению очередным орденом за участие в конкретных «делах», атаках и т. д., что позволяло не брать во внимание дату получения предыдущей награды. Порядок награждения по восходящему статусу орденов был сохранен. Вне статуса офицер мог за особо выдающиеся заслуги быть представлен к награждению орденами Св. Георгия, Св. Владимира и Георгиевским оружием. К полученным в мирное время орденам офицеры получали мечи и банты.

Высшей офицерской наградой считались орден Св. Георгия и Георгиевское оружие. За годы войны эти награды вручались уральцам 47 раз. Кавалерами ордена Св. Георгия стали 15 офицеров, Георгиевского оружия – 32 офицера. Обеих наград были удостоены 5 офицеров (Зеленцов М. Т., Курин С. Г., Лифанов Н. А., Мартынов М. Ф. и Хивинцев П. А.).

С целью улучшения подготовки молодого пополнения казачьих полков в феврале 1916 г. последовало указание Атамана всех казачьих войск: «В виду неоднократных жалоб войсковых начальников казачьих частей на театре войны, на плохую во многих отношениях подготовку прибывающих пополнений, предлагаю теперь же командировать в запасные сотни, на срок не менее 2-х месяцев по одному офицеру от соответствующих полков в помощь командирам сотен. Офицеры должны назначаться из числа прослуживших в полку по возможности не менее года и побывавшие уже в боях» (21). Более 50 офицеров-фронтовиков направлялись до окончания войны в запасные сотни, а затем в сформированный в 1917 г. 10-й Уральский запасной полк.

В 1915 г. в связи с большой убылью офицеров в пехотных частях отмечались случаи временного прикомандирования казачьих офицеров в пехотные полки на должности командиров рот.

За годы Первой мировой войны Уральским казачьим войском безвозвратно были потеряны 46 офицеров, что составило 6,6% принимавших участие в боевых действиях:

- погибло в боях, умерло от ран – 28;
- умерло от болезни – 7;
- покончило жизнь самоубийством – 2;
- попало в плен – 5;
- пропало без вести – 4.

Сравнительно небольшой процент погибших офицеров в целом соответствует потерям в кавалерийских частях регулярной армии за тот же период. Судьба 48 офицеров после окончания войны остается не выясненной. Не выявлено сведений об их возвращении на родину, участии в Гражданской войне, а также пребывании в эмиграции. Цифры потерь, полученные путем анализа приказов и послужных списков, совпадают с официальными данными на 1 января 1917 г.

Относительно тех, чьи судьбы прослеживаются после окончания Первой мировой войны, мы располагаем следующими данными. В Гражданской войне приняло участие 578 офицеров-уральцев, прошедших дорогами Первой мировой войны.

Подавляющее большинство из них – 564 офицера – оказалось в рядах Уральской отдельной армии и других «белых» формирований. В составе Красной армии служило 14 бывших офицеров.

Из числа участвовавших в Первой мировой войне офицеров-уральцев в Гражданскую войну:

– погибло в боях (умерло) – 85;

– предано военно-полевому суду УОА – 4.

В основном трагически сложились и судьбы офицеров, выживших в братоубийственной войне. Изнуренная боями, болезнями, холодом и голодом отступающая Уральская отдельная армия 26 декабря 1919 г. получила через парламентариев от Военно-революционного совета 4-й армии (красной) Туркестанского фронта обращение к командованию вооруженными силами Уральского казачьего войска о прекращении сопротивления. В документе, в частности, касаясь дальнейшей судьбы казаков, отмечалось: «...необходимо немедленно ни дня положить конец войне на Уральском фронте и начать всеми силами бороться с эпидемией, голодом, холодом и устройством разоренных хозяйств. Однако, мы прекрасно понимаем, что мрачное прошлое лежит между нами и вами, что вы опасаетесь за свою участь и что ждете жестоких расправ за все сделанное. Но Рабоче-крестьянская власть, опирающаяся на широкие слои трудящихся масс, не нуждается в мести. Наоборот, она искренне стремится к миру и щедрой рукой рассыпает милости всем, прямо и чистосердечно примыкающим к ней» (22).

Не поддавшись на посулы новой власти, казаки сражались до последнего, перенеся тяжелый ледяной поход в начале 1920 г. «Щедрую руку милости» ощутили вскоре все попавшие в плен. Имеются сведения, подтвержденные документами Красной армии, о 26 офицерах, взятых в плен под Гурьевом в конце 1919 г. (23).

В форте Александровском из 79 взятых в плен чинов командного состава Уральской отдельной армии – 64 уральских офицера, 8 иногородних и 7 чиновников (24).

Пленные после предварительного опроса были отправлены в армейские особые отделы в города Самару, Саратов и Москву, затем распределены по различным трудовым лагерям. Судьба многих из них неизвестна. 19 офицеров были расстреляны в марте-апреле 1921 г. по постановлению Особой тройки отдела охраны границ Северной области (председатель тройки – Зиновий Кацнельсон). Белоэмигрантские архивы донесли до нас воспоминания одного чудом уцелевшего узника лагерей смерти в Архангельской области: «...постановления ЧК приводят в исполнение особой командой внутренней охраны, состоящей в значительной части из бывших военнопленных мадьяр, чехословаков и других иностранцев, причем их перед этим напаяют. Сначала расстреливали на Мхах, в последнее же время с увеличением числа жертв, их стали отправлять на остров Голодай, в 20-ти верстах от Холмогор, где до сих пор убито около десяти тысяч человек. Туда, между прочим, были отправлены из Москвы офицеры, взятые в плен на Северном фронте (около 1200 чел.), а также пленные с Южного фронта, с Кубани и их Московского лагеря. Приговоренных отправляют туда партиями в 200–300 чел., раздевают донага и нагайками выгоняют из баржи в особую канаву, обнесенную колючей проволокой, там их расстреливают, а полуживых добивают топорами» (25).

В дальнейшем по стране прокатилась волна репрессий, которая не обошла и захлестнула многих бывших уральских офицеров. Самым громким в отношении них является процесс 1931 г., когда 25 бывших офицеров во главе с полковником П. И. Хорошкиным были осуждены «за организацию в городах Уральске и Саратове контрреволюционных повстанческих групп с задачей подготовки вооруженного восстания для свержения Советской власти в момент интервенции против СССР со стороны западных капиталистических государств и белоэмигрантов» (26).

В общем, судьбы офицеров после окончания Гражданской войны и в дальнейшем сложились следующим образом:

- находилось в эмиграции – 53 человека, из них служили в иностранных частях в эмиграции
- 6 человек (во Французской армии – 2 человека (Митрясов Д. А., Назаров Б. П.), в Китайской армии – 1 человек (Портнов Б. А.), в Персидской казачьей дивизии – 3 человека (Климов И. И., Мизинов А. Н., Фаддеев П. А.));
- вернулось из эмиграции – 2 человека;
- репрессировано (расстреляно) советскими властями – 158 человек, из них в 1918 г. – 3 человека, в 1919 г. – 5 человек, в 1920-х гг. – 70 человек;
- репрессировано в 1930-е гг. – 98 человек;
- служило в Красной армии после окончания Гражданской войны – 5 человек;
- неизвестна судьба после Гражданской войны – 305 человек;
- погибло в Великую Отечественную войну – 3 человека.

Первая мировая война стала последней войной для армии Российской империи и ее офицерского корпуса и фактически предопределила его трагическую судьбу. Прошедшие Первую мировую войну в большинстве своем сгинули в годы гражданской войны и эмиграции. Часть оставшихся в советской России была сразу казнена, часть использована для становления молодой Красной армии, другие заняли мелкие хозяйственные и административные должности. Но и сохранившие жизнь в основной своей массе за ненадобностью были уничтожены в годы репрессий по сфабрикованным делам как «негодные элементы старого мира».

Аничкины, Бородины, Бочкарёвы, Буренины, Быковы, Емурановы, Железновы, Жигалины... Этот список славных уральских фамилий можно продолжать долго. Все эти люди-воины достойны памяти. К сожалению, нет на уральской земле рукотворного памятника героям Первой мировой войны. Но пусть она сохранится в сердцах благодарных потомков.

Примечания

- 1 Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатилетия благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича, 1700–1880 : в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1880. С. 191.
- 2 Бобрковский П. О. Двадцатипятилетие юнкерских училищ (20-го сентября 1864 по 1889 г.). СПб., 1889. С. 34.
- 3 Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 10 т. М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1996. Т. 2. С. 431.
- 4 См.: Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет Наказного атамана о состоянии Уральского казачьего войска по гражданской части. Уральск, 1915. С. 21.
- 5 См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. № 86.
- 6 См.: Всеподданнейший доклад атамана Уральского казачьего войска за 1913 год. По военному ведомству. Уральск, 1914. С. 3.
- 7 Там же. С. 1.
- 8 См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. 20 июля.
- 9 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) . Ф. 1720. Оп. 3. Д. 215. Л. 146.
- 10 См.: Всеподданнейший доклад атамана Уральского казачьего войска за 1914 год. По военному ведомству. Уральск, 1915. С. 8.
- 11 См.: РГВИА. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 291. Л. 2–7.
- 12 См.: Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет... С. 21.
- 13 Уральские войсковые ведомости. 1915. 23 июля.
- 14 Там же. 1916. 17 марта.
- 15 Уральское казачье войско. Наказной атаман. Всеподданнейший отчет... С. 16.
- 16 Уральские войсковые ведомости. 1914. 5 сентября.
- 17 См.: Уралец (Уральск). 1915. 4 февраля.
- 18 См.: Разведчик (Петроград). 1915. № 1303.
- 19 См.: Уральские войсковые ведомости. 1916. 21 февраля
- 20 См.: Уральские войсковые ведомости. 1914. 6 августа.
- 21 Приказы по Уральскому казачьему войску. 1916. С. 18.
- 22 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 199. Оп. 3. Д. 381. Л. 45.
- 23 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 184. Оп. 9. Д. 20. Л. 37.
- 24 РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 20. Л. 39–41.
- 25 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 26. Л. 94 об.

²⁶ Архив УФСБ РФ по Саратовской области. Архивное уголовное дело ОФ-18707 (архивная справка).

Статья была опубликована в:

Известия Саратовского университета. Новая история. Т. 11. Вып. 2. Ч. 1. 2011